К ДЕКАДЕ ГРУЗИНСКОГО ИСКУССТВА

В. БОКУЧАВА

ИСКУССТВО СОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ

В 1936 году исполнилось 16 лет существования в Грузии советской власти.

15 лет героической борьбы рабочего класса под руководством партии Ленина—Сталина неузнаваемо преобразовали всю страну. В недалеком прошлом порабощенная колония царской России превратилась в цветущую союзную республику Союза Советских Социалистических Республик.

Грузинский народ, который на протяжении своей многовековой истории переносил тягчайшие невзгоды, вступил в полосу подлинного хозяйственного и культурного возрождения.

Одним из наиболее ярких показателей этого возрождения является блестящее развитие грузинского искусства.

В своем прошлом грузинский народ создавал замечательные произведения искусства и литературы, но, постоянно теснимый могущественными соседями, порабощаемый завоевателями и господствующими классами, народ не мог полностью выявить все богатство своих творческих возможностей.

Царское самодержавие, оградив Грузию от внешних завоевателей, превратило ее в арену хищнической эксплоатации и беспощадно глушило всякие ростки народного творчества.

И только Великая пролетарская революция, освободившая грузинский народ, развязала все его творческие силы.

Ко времени установления в Грузии советской власти грузинский драматический театр имел уже 70-летнюю историю существования. Однако за все это время он не располагал самыми необходимыми условиями для нормальной творческой работы.

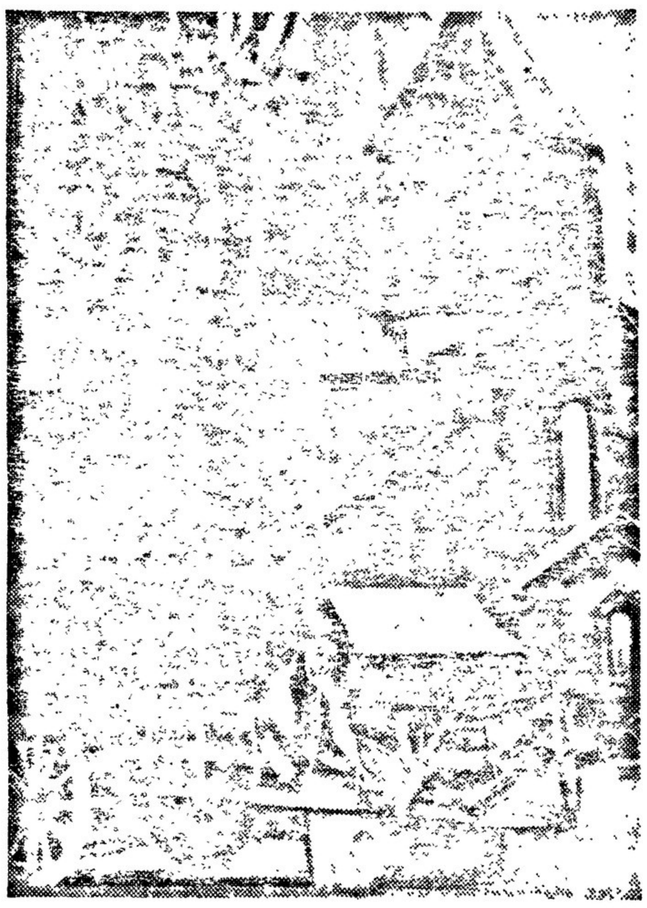
В настоящее время грузинский театр достиг блестящего расцвета, став в ряды лучших театров Советского Союза. Награждение орденом Ленина Государственного драматического театра им. Руставели — лучшее свидетельство этого.

46 театров по республике — таков итог советской театральной политики в Грузии. В числе этих коллективов — 13 театров национальных меньшинств, получивших большие возможности для глубокой творческой работы. Грузинский театр располагает значительными кадрами превосходных творческих работников, среди которых правительство Союза ССР удостоило звания Народных артистов Союза ССР двух выдающихся актеров — А. Васадзе и А. Хорава.

С огромной интенсивностью развивается советское изобразительное искусство. Если до революции грузины-художники насчитывались единицами, то теперь в Грузии работают более двухсот художников.

Грузинским художникам пришлось преодолеть много трудностей в борьбе против всякого рода извращений, [illegible] вое реалистическое искусство, [illegible] ражающее великую эпоху [illegible]. Последняя выставка, [illegible] ая истории большевист[illegible] низаций в Закавказьи, яв[illegible] вершением этой борьбы.

[illegible] у большого творческого [illegible] тупила также грузинская музыка. [illegible] ыдающиеся старые мастера вместе с новыми кадрами композиторов, воспитанными советской властью, обогатили советскую музыкальную культуру Грузии талантливыми произведениями. Творческая практика грузинских композиторов до революции ограничивалась созданием опер, романсов и обработкой народных хоровых произведений. В настоящее время наряду с операми, романсами и хоровыми произведениями написаны симфонии, квартеты, произведения для отдельных инструментов и другие музыкальные композиции. Рост музыкальной культуры обусловил создание государственного симфонического оркестра, инструментального и вокального квартетов, академической хоровой капеллы и ряда других музыкальных ансамблей.



«Опера «Даисо» (Пакт) в Государственном Тбилисском театре оперы и балета.

Грузинская музыкальная культура имеет своим источником богатейшую сокровищницу народного творчества. Своеобразие народной музыки и неисчерпаемое разнообразие ее мелодий позволяют грузинским композиторам широко пользоваться народной песней. На ее основе созданы оперы «Абесалом и Этери» и «Даисо» З. Палиашвили, «Дареджан Цбиери» М. Баланчивадзе, симфонические произведения Д. Аракишвили, И. Туския, Г. Киладзе, К. Мегвинет-Ухуцеси и ряда других композиторов.

Никогда народное творчество не переживало такого бурного расцвета. Народ творит новые песни и вместе с тем любовно сохраняет все то ценное, что создавалось веками. В каждом районе Грузии, в крупных колхозах и совхозах существуют самодеятельные хоры, систематически проводятся олимпиады.

Партия и правительство принимают все меры к дальнейшему росту самодеятельного искусства. Большое внимание развитию народного творчества уделяет секретарь ЦК КП(б) Грузии тов. Лаврентий Берия.

Летом текущего года в Тбилиси была проведена всегрузинская олимпиада народного танца, вызвавшая огромный интерес во всей республике.

Широкой сетью раскинулись по Грузии художественные учебные заведения: Государственная консерватория, Академия художеств, 13 музыкальных техникумов, художественный техникум, три театральных студии, Государственное хореографическое училище.

Сложный путь развития прошла грузинская оперная культура. Национальное оперное искусство зарождается в Грузии только с 90-х годов прошлого столетия. Первой грузинской оперой явилась «Дареджан Цбиери», музыка М. Баланчивадзе, текст — поэма известного грузинского поэта-классика А. Церетели. В этой опере широко использована грузинская народная песня.

Построенная на мелодиях грузинской хоровой песни опера Д. Аракишвили «Шота Руставели» написана под сильным влиянием русских композиторов, главным образом Глинки и Бородина.

Наиболее полное выражение дореволюционное оперное искусство получило в произведении З. Палиашвили «Абесалом и Этери». Сюжет оперы построен на материале популярного в Грузии сказания. «Абесалом и Этери» представляет собой большое эпическое полотно.

Но все эти оперы не могли быть показаны на сцене Тбилисского оперного театра, так как в течение 68 лет он не проявлял никакого интереса к национальной грузинской опере. «Казенный театр» (так именовался он в прошлом) верно служил царизму и последовательно проводил его политику руссификации местного населения и преследования всего национального.

Грузинская опера на сцене Тбилисского театра была поставлена впервые в 1919 году, но эта постановка носила случайный характер и серьезного влияния на работу театра не оказала.

Только в условиях советской Грузии пути оперного театра стали определяться развитием национальной оперы, и грузинская оперная культура в целом получила почву для своего расцвета.

В настоящее время в Грузии создано 12 национальных опер, балет, пишется ряд новых оперных произведений, большинство которых будет закончено к 20-летию Великой пролетарской революции.

Национальные оперы составляют основной фонд Тбилисского государственного театра оперы и балета, который, однако, не замыкается в рамки национального репертуара, работая и над лучшими образцами иностранного и русского оперного искусства.

Социалистическое искусство грузинского народа поднялось на небывалую высоту. Оно насыщено большими идеями великой эпохи Ленина—Сталина, оно питается творчеством самого народа и в тесном единении с искусством всех народов Советского Союза служит могучим орудием в борьбе за прекрасную счастливую жизнь человечества.

НОВЫЙ ПРЕЗИДИУМ АКАДЕМИИ НАУК

Президентом Академии Наук избран В. Л. Комаров

29 декабря в заключительном заседании декабрьской сессии Академии Наук СССР состоялись **выборы президента и вице-президентов Академии наук.**

Президентом Академии наук СССР избран академик **В. Л. Комаров.** Он получил **68** избирательных листков и **2** неизбирательных.

Избранный вице-президентом Академии академик **Э. В. Брицке** получил **67** избирательных и **2** неизбирательных листка, и избранный вице-президентом Академии академик И. М. Губкин получил **61** избирательный листок и **8** неизбирательных.

На этом же заседании акад. А. Е. Ферсман выступил с сообщением по вопросу **о лишении звания действительных членов Академии наук СССР** В. Н. Ипатьева и А. Е. Чичибабина.

В. Н. Ипатьев и А. Е. Чичибабин, несмотря на длительные и настойчивые уговоры, под различными предлогами отказались от возвращения на родину.

После акад. А. Е. Ферсмана слово взял сын В. Н. Ипатьева проф. В. В. Ипатьев. В своей речи проф. В. В. Ипатьев заявил, что поведение его отца, В. Н. Ипатьева, недостойно высокого звания гражданина СССР.

После речи проф. В. В. Ипатьева сессия приступила к голосованию проекта об исключении из состава Академии наук СССР обоих академиков-невозвращенцев.

За исключение было подано **63** голоса, воздержалось **6, против — ни одного.**

Л. НИКУЛИН

СЛУЧАЙ В ЛИНДАУ

В ноябре этого года в зарубежных газетах появились пространные заметки под следующими заголовками:

«Злоключения **И. А. Бунина в** Германии»:

Принято мало удивляться тому, что происходит в гитлеровской Германии, однако имя Бунина, белого эмигранта, писателя из белогвардейского лагеря, свидетельствовало о том, что он менее всего мог ожидать издевательств со стороны фашистов.

Приведем факты, взятые из письма самого пострадавшего.

И. А. Бунин отправлялся в деловую поездку из Парижа по маршруту Лейпциг—Берлин—Прага—Мюнхен—Женева—Рим. Вечером 26 октября он прибыл в пограничный город Линдау, на германо-швейцарской границе, и предполагал переехать в Швейцарию через Боденское озеро на пароходе.

27 октября он предъявил свой эмигрантский паспорт и, как водится, имеющуюся при нем валюту в немецкой таможне, на пристани.

— «Следуйте за этим господином!» — скомандовали И. А. Бунину.

«Этот «господин», — пишет Бунин, — был довольно молодой человек преступного типа в потертой штатской одежде ... привел меня в каменную камеру и молча стал срывать с меня пальцами пиджак, жилет... От негодования и гнева я был близок не только к обмороку, но и к смерти от разрыва сердца, протестовал, не зная немецкого языка, одними восклицаниями: «Что это значит? На основании чего?», а «господин» молча и злобно, с крайней грубостью продолжал раздевать, разувать и обшаривать меня. Я стоял перед ним раздетый, разутый, — он сорвал с меня даже носки, — весь дрожал и стучал зубами от холода и дувшего в дверь сырого сквозняка, а он залезал пальцами в подкладку моей шляпы, местами отрывая ее, пытался оторвать даже подошвы моих ботинок...»

Надо добавить, что Бунин — старик, приближающийся к семидесятилетнему возрасту, человек, вероятно не раз подчеркивавший свое сочувствие «молодым людям преступного типа», наводящим порядок в Германии.

Литературные способности Бунина позволяют ему с большой выразительностью описывать свои злоключения в Третьей империи. Злоключения Бунина не скоро кончились. Господа преступного типа продолжали показывать нобелевскому лауреату свою дикарскую, каннибальскую душонку:

«Я пишу книгу о Толстом, — продолжает Бунин, — в моем портфеле было несколько книг о нем. При виде его портретов в этих книгах плевали, топтали ногами: «А, Толстой, Толстой!»

Высказав свое отношение к Льву Толстому, господа преступного типа снова вернулись к своим прямым обязанностям:

«К четырем часам явилась какая-то довольно красивая дама с прозрачно сверлящими и переливающимися глазами, быстро сказала, что я провел ночь в Линдау с какой-то женщиной, задала мне еще два-три бесстыдных вопроса и вдруг, после моего негодующего восклицания, заявила, что я свободен.

Приехав ночью в Цюрих, я не спал до утра — меня так простудил раздевавший меня господин, что у меня уже был кашель и жар: 36,5°».

На этом можно уже остановиться и признать, что Бунин достаточно точно описал методы работы агентов Гестапо и господ преступного типа, включая «красивую даму с прозрачно сверлящими и переливающимися глазами».

Этот случай произвел некоторое впечатление, и германское официальное агентство (Д. Н. Б.) сочло нужным выступить со следующим удивительным заявлением:

«Иностранные газеты напечатали на-днях неточную информацию, будто Иван Бунин, русский нобелевский лауреат, был арестован в Линдау (Баварія) «политической полицией» и подвергся плохому обращению.

Соответствует действительности лишь то, что русский эмигрант Бунин, прибывший в Линдау 26 и 27 октября, был подвергнут валютному контролю в момент его в'езда на германскую территорию из Швейцарии.

Контроль носил чрезвычайно вежливую форму, и г. Бунин не подвергся ни плохому обращению, ни аресту».

Впрочем германское официальное агентство наврало. То, что называется в Третьей империи валютным контролем, происходило при выезде Бунина в Швейцарию, а не при в'езде. Но это можно счесть опечаткой. Интересен не столько случай с Буниным, сколько так называемая «чрезвычайно вежливая форма» валютного контроля.

Если разувание и раздевание на сквозняке считается в фашистской Германии чрезвычайно вежливой формой контроля и хорошим обращением, то что же считается у фашистов невежливой формой и плохим обращением?

Наконец, случай с эмигрантским классиком свидетельствует еще о том, что страх перед коммунизмом в Германии принимает формы острого помешательства и, одновременно, крайнего идиотизма.

Только этим можно об'яснить то обстоятельство, что свой не узнал своего на германской границе.

Замечательно и то, что пострадавший И. А. Бунин не возражает против подобного «вежливого обращения», как метода, но протестует против того, что чрезвычайно вежливая форма была применена именно к нему.

Маленький ФЕЛЬЕТОН

ПУШКИН О...

Вс. ВИШНЕВСКОМ

Буян задумчивый и важный,
Хирург, юрист, физиолог,
Идеолог и филолог.

М. ПРИШВИНЕ

Живет, как истинный мудрец,
Капусту садит, как Гораций...

М. ЗОЩЕНКО,

...дней минувших анекдоты
От Ромула до наших дней
Хранил он в памяти своей.

А. БЕЗЫМЕНСКОМ

Хорошие стихи не так легко писать.

В. ЛИДИНЕ

Зачем себя и нас терзаешь без причины?

И. ЕВДОКИМОВЕ

Не лучше ль стало б вам с надеждою смиренной
Заняться службою гражданской иль военной?

В. ГУСЕВЕ

— Нечаянно пригретый славой.

М. ТАРЛОВСКОМ

Люблю я очень это слово,
Но не могу перевести.

А. ЭФРОСЕ

Он знал довольно по-латыни,
Чтоб эпитрафы разбирать.

М. НУСИНОВЕ

Глаза халдейских мудрецов,
Гадатель, толкователь снов.

Д. АЛТАУЗЕНЕ

Не мог он ямба от хорея,
Как мы ни бились, отличить.

Б. ПАСТЕРНАКЕ

Льстецы героя моего,
Не зная, как хвалить его,
Провозгласить решились тонким.

П. ЗАМОЙСКОМ,
выпускающем четвертый том «Лаптей»

...попрежнему поет
И обувь бедную плетет.

С. ЗАБОЛОЦКОМ

В порывах сердца своего,
Поешь, бог ведает, кого.

Н. БРАУНЕ

Довольно без тебя поэтов есть и будет;
Их напечатают — и целый свет забудет

Ю. ОЛЕШЕ

Скажи — среди столицы
Чем занят ты, мой друг?

И. УТКИНЕ

Избавь нас, боже,
От элегических кук!

Вере ИНБЕР

Мараю два иль три куплета
И их вполголоса пою.

Д. ПЕТРОВСКОМ

Уж не пародия ли он?

С. КЛЫЧКОВЕ

...чернокнижным языком
Усердно демонам молился.

ТОЛСТЫХ ЖУРНАЛАХ

...пыльные громады
Лежалой прозы и стихов
На'красно ждут себе чтецов.

ДОМЕ СОВЕТСКОГО ПИСАТЕЛЯ

Слуга покорный! Я едва, едва
Не умер там со скуки..

ПУШКИНИСТ

Слава Платона Кречета

ДЕЙСТВИЕ В 2 ПЬЕСАХ

Действующие лица:
Человек № 1.
Человек № 2.

Место: Станция метро. **Время:** 1936 г.

Явление первое и последнее.

Входит № 1, за ним № 2.

№ 1. — Здоров!
№ 2. — Здоров!
№ 1. — Куда?
№ 2. — В театр.
№ 1. — Я тоже. Еду смотреть «Славу».
№ 2. — «Славу» я уже видел.
№ 1. — Ну как?
№ 2. — Чудная вещь. Теперь достал билет на «Платона Кречета».
№ 1. — «Кречета» я уже видел.
№ 2. — Ну как?
№ 1. — Чудная вещь. Особенно, знаешь, главный герой. Положительный тип. Скромный малый.
№ 2. — Наверно интересно. В «Славе» тоже такой.
№ 1. — А у него есть приятель...
№ 2. — Там тоже...
№ 1. — Внешне он гораздо ярче положительного, но в действительности...
№ 2. — Там тоже — «но в действительности»...
№ 1. — Где там?
№ 2. — В «Славе».
№ 1. — Ты не путаешь?
№ 2. — Нет.
№ 1. — Странно...
№ 2. — Что странно? Что я не путаю?
№ 1. — Нет. Что две пьесы так сошлись характерами. Да... Так вот: у положительного героя есть любимая девушка.
№ 2. — Есть.
№ 1. — И любимая девушка сначала не понимает его
№ 2. — Верно. Не понимает.
№ 1. — Так ты, дорогой, все-таки путаешь. Ты просто-напросто смотрел «Кречета».
№ 2. — Да нет же, только сейчас еду смотреть. А это я в «Славе» видел. Могу тебе рассказать остальное.
№ 1. — Ну, ну..
№ 2. — Она, значит, не понимает его и считает настоящим героем отрицательного
№ 1. — Верно
№ 2. — Но положительный блестяще выполняет сложное задание, и после этого все выясняется.
№ 1. — Выясняется.
№ 2. — Она выходит замуж за положительного, или что-то в этом роде.
№ 1. — В этом роде.
№ 2. — Так эта пьеса называется «Слава»!
№ 1. — Ничего подобного! Она называется «Платон Кречет»!
№ 2. — Но ведь в «Платона Кречета» не видел...
№ 1. — Постой, постой. Там у них что-то не ладится с обкомом
№ 2. — Совершенно верно.
№ 1. — И еще одна важная деталь. У положительного весьма положительная мамаша.
№ 2. — Есть такая мамаша.
№ 1. — Значит «Платон Кречет»!
№ 2. — Значит «Слава»!..
№ 1. — Ты ужасно упрям. Я только третьего дня смотрел «Кречета».
№ 2. — А я «Славу» смотрел только вчера.
№ 1. — Так, может, это одна пьеса под двумя названиями?..
№ 2. — Может...

С. ГОЛЬДЕНБЕРГ.

НАШИ ЗНАКОМЫЕ

П. Рожков

— Тень Гронского меня усыновила,
Оракулом «марксистским» нарекла,
Моей страшней народы возмутила
И «Новый мир» мне в жертву обрекла...

Д. Мирский

Он из Британии туманной
Привез учености пыльцы:
Вольнолюбивость бороды,
К литературе вкус гурманный,
Потрепанный картонный меч
И эклектическую речь.

Журнал «Октябрь»

В нем мало эмпирических из'янов,
Формалистических не винно пустяков,
Талантливых не вопится романов,
И свежих не встречается стихов.

Журнал «Литобозрение»

Если собрать воедино — сомнения,
Яд озлобления, горечь презрения,
Все нарекания и подозрения, —
Это и будет «Литобозрение».

Панегирик

Гениальны стихи Коваленкова,
Бесподобны романы Ильенкова,
Но Ильенкова и Коваленкова
Перешибли статьи Тарраненкова!

СЕРГЕЙ ШВЕЦОВ

Прибежали в избу дети...

Пародии

СЕМЕН КИРСАНОВ

Однажды при-
Детишки бе-
В избушку жали.
— «Плывет, смотри,
Мертвец к тебе!» —
Отцу сказали.—
«Видали все:
Попал он в се-
Попал он в сети!»
И крикнул о-
И крикнул тот:
— «Не ври-те, дети!
Слушай, детишек рать:
Стыдно так нагло врать.
Знаю вас я-то!
Кыш, бесенята!
Вон!
Вон.
Дрянь.
Дон!
За глупый ваш невод
Поставлю вам неуд.
Бес
Влез.
Нам —
Срам!

АЛЕКСАНДР ЖАРОВ

Детишки, слов лишних
не тратя,
Сказали отцу
наконец
— «Наш тятя,
наш тятя,
наш тятя!
В сетях очутился
мертвец!»
И, полон досады
и прыти,
Отец им ответил:
— «Сморчки!
Не ври-те,
не ври-те
не ври-те
И мне не втирайте
очки!
Мы сеть с вами трижды
обшарим.
Себя обмануть
я не дам.
Ударим,
ударим,
ударим
По всем мертвецам
и сетям!»

ИЛЬЯ СЕЛЬВИНСКИЙ

Прибежали в избу,
Прибежали дети,
Прибежали дети,
И зовут отца:
«Тятя, наши сети,
Притащили сети,
Наши сети прита-
Щили мертвеца!»
«Вр-те, бесенята!
Врите, бесенята! —
Заворчал на них о-
Них- о- них — отец.—
От, эти ребята!
Эти мне ребята!
Будет вам ужо ме-
Жо- ме- жо- мертвец!»

М. ПУСТЫНИН.

Максим Горький

Жизнь Клима Самгина

ИЗ IV ЧАСТИ РОМАНА

— Это похоже на голос здравого смысла.

На улице люди быстро разделились, большинство, не очень уверенно покрикивая ура! — пошло встречу музыке, меньшинство быстро двинулось направо, прочь от дворца, а люди в ограде плотно прижались к стенам здания, освободив пред дворцом пространство, покрытое снегом, истоптанным в серую пыль.

Нахмурясь, Клим Иванович Самгин подумал, что эта небольшая пустота сделана как бы нарочно для того, чтоб он видел, как поспешно, молча, озабоченно переходят один за другим, по-двое рядом, по-трое, люди, которых безошибочно можно признать рабочими. На верхней ступеньке их останавливал офицер, солдаты преграждали дорогу, скрещивая штыки, но они называли себя депутатами от заводов, и, зябко пожимая плечами, он уступал им дорогу. Все громче звучала медная мелодия гимна Франции, в воздухе колебался ворчливый гул, и на него иронически ненужно ложились слова егеря:

— Настоящих господ по запаху узнаешь, у них запах теплый, собаки это понимают... Господа — от предков, сотнями годов приспособлялись к наукам, чтобы причины понимать и достигли понимания, и вот государь дал им Думу, а в нее набился народ недостойный.

Курчавая борода егеря была когда-то такой же черной, как его густейшие брови, теперь она была обесцвечена сединой точно осыпана крупной солью; голос его звучал громко, но однотонно, жестянно, и вся тускло серая фигура егеря казалась отлитой из олова.

Егеря молча слушало человек шесть, один из них, в пальто на меху с поднятым воротником, в бобровой шапке, с красной тугой шеей, рукою в перчатке погладил усы, сказал, вздохнув:

— Эх, старина, опоздал ты...

— Вот я и сокрушаюсь... Студенты генерала арестуют, — разве это может быть?

Самгин слушал речи егеря в думах.

За оградой явилась необыкновенной плотности толпа людей, в центре первого ряда шагал с красным знаменем в руках высокий, широкоплечий, черноусый, в полушубке без шапки, с надорванным рукавом на правом плече. Это был, видимо, очень сильный человек: древко знамени толстое, длинное, в два человечьих роста, полотнище — бархатное, но человек держал его пред собой легко, точно свечку. По бокам его двое солдат с винтовками, сзади еще двое, первые ряды людей почти сплошь вооружены, даже Аркадий Спивак, маленький флантовой первой шеренги, несет на плече какое-то ружье без штыка. В одну минуту эта толпа заполнила улицу, влилась за ограду, человек со знаменем встал пред ступенями входа. Кто-то закричал:

— Не наклоняй знамя-то, эй, не наклоняй!

Сквозь толпу, точно сквозь сито, протискивались солдаты, тащили на плечах пулеметы, какие-то жестяные коробки, ящики, кричали:

— Сторонись!

Никто не командовал ими, и, не обращая внимания на офицера, начальника караульного отряда, даже как бы не видя его, они входили в дверь дворца.

С приближением старости Клим Иванович Самгин утрачивал близорукость, зрение становилось почти нормальным, он уже носил очки не столько из нужды, как по привычке, всматриваясь сверху в лицо толпы — он достаточно хорошо видел над темно-серой массой под измятыми картузами и шапками костлявые, чумазые, заплесневшие мохнатые лица и пытался выловить из них одно лицо. Это не удавалось и, раздражая, увлекало все больше. Неуместно вспомнился изломанный, разбитый мир Иеронима Босха, маски Леонардо да Винчи, страшные рожи мудрецов вокруг Христа на картине Дюрера.

— Нет, все это — не так, не то. Стиснуть все лица — в одно, все головы в одну, на одной шее...

Вспомнилось, что какой-то из императоров Рима желал этого, чтоб отрубить голову.

— Мизантропия, углубленная до безумия. Нет, — каким должен быть вождь, Наполеон этих людей? Людей, которые видят счастье жизни только в сытости?

— Родзянко-о! — ревели сотни глоток. — Давай Родзянку-у!

Клим Иванович Самгин так увлекся процессом создания фигуры вождя, что лишь механически отмечал происходящее вокруг него: вот из дверей дворца, встречу солдатам выскочил похожий на кого-то адвокат Керенский и прокричал:

— Граждане солдаты! Поздравляю вас с высокой честью — охранять Государственную думу. Об'являю вас первым революционным караулом...

В толпе закричали — ура!, а молодой солдат, нагруженный жестяными коробками, крикнул Керенскому:

— Посторони-ись!

— Чего ж они пулеметы внутрь тащат? Из окошек стрелять хотят, что ли? — недоуменно спросил егерь.

— Не будут стрелять, старина, не будут, — сказал человек в перчатках и оторвал от снятой с правой руки большой палец.

— Разиня-а! — кричал Федор Прахов, он стоял у первой ступени лестницы, его толкали вперед, он поворачивался боком, спиной и ухитрялся оставаться на месте, покрикивая, подмигивая кому-то:

— Разиня-а!

Из дверей дворца вышел большущий толстый человек, и зычным, оглушающим голосом, с яростью закричал:

— Гр-раждане!

Он был так велик, что Самгину показалось: человек этот, на близком от него расстоянии, не помещается в глазах, точно колокольня. В ограде пред дворцом, и даже за оградой, на улице, становилось все тише, по мере того как Родзянко все более раздувался, толстое лицо его набухало кровью и неистощимый жирный голос ревел:

— Хаос...

Два звука: а, о — слились в единый нечеловечий язык, в «трубный глас».

Самгину показалось, что обойщик Прахов даже присел, а люди, стоящие почти вплоть к оратору, но на ступень ниже его, попятились, а человек в перчатках приподнял воротник пальто, спрятал голову, и плечи его задрожали, точно он смеялся.

— Враг у врат града Петрова, — ревел Родзянко. — Надо спасать Россию, нашу родную, любимую, святую Русь. Спокойствие. Терпение... «Претерпевый до конца — спасется». Работать надо... Бороться. Не слушайте людей, которые говорят... Великий русский народ...

Клим Иванович Самгин первый раз видел Родзянко, ему понравился большой, громогласный, отлично откормленный потомок запорожской казацкой знати. Должно быть потому, что он говорил долго, у русского народа не хватило терпения слушать, тысячеустое ура заглушило вычную речь, оратор повернулся к великому народу спиной и красным затылком.

— Его, Родзянку, голым надо видеть, когда он купается, — удовлетворенно и как будто даже с гордостью сказал егерь. — Или, например, когда кушает, — тут он сам себе царь и бог.

— Неизбежная примесь глупости к пошлости, — определил Самгин спокойно и даже с чувством удовлетворения

Человек в перчатках разорвал правую, резким движением вынул платок, вытер мокрое лицо и, пробираясь к дверям во дворец, полез на людей, как слепой. Он толкнул Самгина плечом, но не извинился, лицо у него костистое, в темной бородке, он глубоко закусил нижнюю губу, а верхняя вздернулась, обнажив неровные крупные зубы.

Свирепо рыча, гудя, стреляя, в'езжали в гущу толпы грузовики, привозя генералов и штатских людей, бережливо выгружали их перед лестницей, и каждый такой груз как будто понижал настроение толпы, шум становился тише, лица людей задумчивее или сердитей, усемплившее, угрюмей. Самгин ловил негромкие слова:

— Чего же с ними делать будут?

— Нас не спросят.

— Спрячут до лучших дней...

— Конечно. Потом — выпустят...

— Тогда они за беспокойство... возместят!

— В монастырь бы их, на сухой хлеб.

— Придумал.

— Выслать, куда-нибудь...

— А то — отвести в Ладожское озеро да и потопить, — сказал окая человек в изношенной финской шапке, в потертой черной кожаной куртке, шапка надвинута на брови, под нею вздулись синеватые щеки, истыканные седой щетиной, продолжая одышку, человек повторял:

— Монастырь... У нас — третьего дня бабы собрались в Александро-Невску лавру хлеба просить для ребятишек, ребятишки совсем с голода дохнут, — терпения нехватает глядеть на них. Ну, так вот пошли. Там какой-то монах, начальник, даже обиделся, сукин сын, у нас, говорит, не лавочка, мы хлебом не торгуем. Ну, дайте даром, бога ради Хоть мешок ржаной муки... Что вы, говорит, женщины, мы, говорит, сами живем милостыней мирской. Вот — сволочь! А у них — склады! Понимаете? Склады. Сахар, мука, греча, картошка, масло подсолнечно и конопляно, рыба сушена — вот!.. Богу служат, а?

Его поддержали угрюмые голоса:

— Да-а, все богу служат, а человеку — никто!

— Ну, человеку-то мы служим, работаем...

— Путилов — человек, все таки

— Парвиайнен...

— Много их...

— Народу — никто не служит, вот что! — громко сказала высокая, тощая женщина в мужском пальто.